

УДК 811.511.13: 81'28

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ (на материале русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа)¹

Ирина Ивановна Бакланова

к. филол. н., заведующий кафедрой русского языка

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. ii-baklanova@mail.ru

Анализируются средства выражения диалогичности в русской диалектной речи жителей Коми-Пермяцкого округа, которая рассмотрена в нескольких аспектах. Выявлены особенности анализируемой формы речи, определено промежуточное место высказываний в системе монологической и диалогической речи; кратко изложена история изучения категории диалогичности. Выделены маркеры диалогичности, среди которых определены общие для русского языка и специфические, диалектные, средства. Показано, что особенности проявления диалогичности объясняются бытовой тематикой бесед, непосредственностью общения, при котором не остается времени на осмысливание сказанного.

Ключевые слова: Коми-Пермяцкий округ; русская речь; диалектная речь; диалог; монолог; диалогичность; средства выражения диалогичности.

Диалектная речь представляла и представляет несомненный интерес для исследования. О ее натуральности и живом характере писали многие ученые, это отмечает Л. П. Якубинский, ссылаясь на работу Л. В. Щербы «Восточно-лужицкое наречие» [Якубинский 1986: 28].

Материалом для данной статьи послужили записи русской речи как русских, так и коми-пермяков, проживающих в Коми-Пермяцком округе. Записи получены студентами Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, работавшими под руководством профессора кафедры общего языкознания И. А. Подюкова, и Пермского государственного национального исследовательского университета – под руководством доцента кафедры теоретического и прикладного языкознания И. И. Русиновой. При внимательном рассмотрении записей мы отметили, что большая часть диалектных речений включает в себя либо отсылку к адресату речи (т.е. пересказ), либо обращение к диалектологам. Это показалось нам небезынтересным.

Известно, что беседы с диалектоносителями имеют свою специфику, которая продиктована задачами изучения живой речи. Как правило, большая часть диалогов нацелена на получение новых лексем (изучение лексики уже многие годы является ведущим направлением в диалектологии), а достигается это вопросами о том, как

жили раньше, какую носили одежду, как и из каких материалов ее изготовляли; что ели, как готовили кушанья. Записи, проанализированные нами, призваны были решать и более широкие задачи, нежели изучение лексики: диалектологов интересовали этнографические данные, а именно сведения об обрядах: похоронном, поминальном и пр. Но при любом распределении задач изучения диалектной речи важнее всего оказывается информативность бесед с диалектоносителями. Используя терминологию Н. Д. Арутюновой, мы можем говорить о том, что диалоги, которые мы получаем во время диалектологических экспедиций, чаще всего относятся к числу предметных (или диктальных). Цель предметного диалога, по мнению исследователя, состоит в получении фактической информации [Арутюнова 1970: 48; Балаян 1981: 63].

Диалектолог испытывает научное удовлетворение в том случае, если информант разговорчив, откровенен, открыт для общения. Такой собеседник обеспечивает успех в получении предметных диалогов. Но тут возникает проблема в определении формы речи: если собеседник слишком разговорчив, то это уже не совсем диалог. В этом случае мы наблюдаем промежуточную форму речи: диалог как чередование вопросов диалектолога и монологов диалектоносителей².

Задача данной статьи – проанализировать средства диалогичности в живой диалектной речи. Мы отдаем себе отчет в том, что выбранный материал не отражает специфику говоров именно этой диалектной зоны (Коми-Пермяцкий округ), а показывает особенности русской диалектной речи в целом. Выбор этого материала обусловлен тематикой бесед (об обрядах, нечистой силе и пр.): говоря о тайном, сверхъестественном, сакральном, люди нередко ссылаются на чужой опыт, кроме того, часто они обращаются к воспоминаниям, полученным от неопределенного лица. В задачи этой статьи не входит выявление специфики употребления средств диалогичности у того или иного народа, более того, мы предполагаем, что эти средства в русской речи русских и коми-пермяков будут одинаковыми. В данной работе мы попытаемся проследить, есть ли в диалектной речи специфические средства выражения диалогичности, для этого обратимся к исследованиям этой категории в лингвистике.

Изучением диалогической речи занимались многие исследователи, отметим лишь основные работы. Так, общие вопросы диалога рассмотрены А. К. Соловьевой [Соловьева 1965]. Категория диалогичности в функциональном семантико-стилистическом плане изучена на примере письменных текстов, в частности текстов научного и публицистического стилей [Кожина 1981; Дускаева 2006а; Данилевская 2012]. Анализ текстов названных стилей позволил понять полевою структуру категории диалогичности, представленную микрополями. Исследователями названы ядерные маркеры диалогичности: прямая и косвенная речь (цитация); вводные слова, словосочетания и предложения, передающие источник сообщения; ссылки, сноски, а также вопросно-ответные комплексы (ВОК) [Дускаева 2006б: 134].

Учитывая непосредственность общения информантов с диалектологами, неподготовленность, непродуманность диалектной речи, ее прерывистость, постоянный отход от темы разговора, полагаем, что в живой речи маркеры диалогичности могут быть иными или могут быть по-другому представлены количественно.

Общение с диалектоносителями происходит «лицом к лицу», поэтому в их речи присутствуют средства диалогичности, указывающие на обращение к собеседнику (чаще диалектологу): **видишь (вишь), знаешь (знашь)**. Как показывают примеры, носители говоров обращаются на «ты», что, однако, не говорит об их невоспитанности. Скорее всего, это свидетельствует о том, что диалектоносители видят в собеседнике «сво-

его» человека: неслучайно же они ведут с ним разговор. Рассмотрим это на примерах:

1) *вон на окн'е стои́т ви́иш возл'е сту́ла усы́ вы́пуст'ил'и// два́ уса́ на́до ср'еза́т' да на-сто́я́т// на во́тк'е а́я// и́а на самого́н'е д'э́лала³//* (Юсьвинский р-н);

2) *коч'ерга́/ э́то зна́эш/ на сп'ину́ сы́п выко́д'ит// и́а н'иково́ н'е вызыва́ла// и́а н'ич'о́ н'е и́е ла да́к/ так'и́-то шы́повн'ик'и да што́ да// го-вор'а́т/ кто́ б'ер'ем'енна когда́/ да́к шы-повн'ик'и и́ед'а́т/ и по́сл'е и́е́тово коч'ерга́ вы-ко́д'ит на сп'ину́//* (Гайнский р-н);

3) *во́т ы дуба́сы/ во́т на дуба́сах/ во́т и́а по́ мн'у́ ф трэ́т'ем кла́с'е/ та́к фс'о́ ход'и́ла ф ишко́лу в дуба́сах// го́лая одна́/ во́т на э́той од'е́ н'еш дуба́с/ она́/ зна́иш/ как ко́л'ет/ вот так са́ра пайет/ кра́сно́е фс'о́ т'э́ло бу́д'ет//* (Гайнский р-н).

Обращение к диалектологу может быть выражено грамматически с помощью употребления местоимений **ты, вы** (в случае, если несколько диалектологов): *трубоч'истом игра́л'и да// во́т нап'рим'е́р/ мы́ с тобо́й с'уда́ та́г з'д'э́лаэм/ ид'о́м то́же т'икон'еч'ко/ та́м мно́го сто́я́т// ты́ воз'м'о́иш о́т ч'е́рес то́же ч'елов'е́ка и та́м ч'е́рес трубу́-то и́д'о́иш то́же ч'е́рез ру́к-то// опэ́т' фторáя то́же та́г же ид'о́т та́м/ воз'м'о́т и по́йд'о́иш по фс'ему́ у́л'ице//* (Гайнский р-н);

[Лён убирали?] *ой/ то́гда э́тово́ мно́го бы́ло// тр'епа́т'/ ч'еса́т'/ э́то ви́а бы́ла на́ша рабо́та вот// н'ику́да н'е по́йд'о́иш// н'ику́да н'е пу́ска́ли// снач'а́ла пос'е́ют л'он/ вы́раст'ет/ э́того вы́ н'е зна́и́ет'е// рв'ом/ вы́сушы́т/ э́то зд'э́лайу́т/ как сказа́т'/ позабы́ла у́же/ вы́сокн'от, отб'ива́т' л'он/ а пото́м ст'е́л'ат на з'э́мл'у/ э́то фс'о́ го-то́во как бу́д'ет//* (Юсьвинский р-н).

Средством выражения диалогичности является и передача чужой речи [Дускаева 2006б: 131]. В наших материалах это чаще всего представлено в виде пересказа какого-либо события. И здесь мы находим яркое подтверждение слов Л. П. Якубинского: «В отличие от монолога, диалогическое общение подразумевает высказывание «сразу» и даже «лишь бы», «как попало»; только в некоторых особых случаях, которые признаются нами как особые, мы констатируем при диалоге обдумывание, выбор» [Якубинский 1986: 35–36]. Эта мысль может быть распространена и на монологические высказывания в той форме, которая выбрана нами для изучения.

Чужая речь в рассказах диалектоносителей передается по-разному, но в большинстве случаев непоследовательность в выборе средств ее передачи приводит к недопониманию опрашиваемым сюжета разговора. Рассмотрим один из

фрагментов диалектных записей: *ма́ма раска́ зывала// говор'ít/ это/ с сос'ёткой/ говор'ít/ пошла́ йа́/ ну́/ слуша́т' у́тром/ ч'еса́ ч'е́тыр'е-н'а́ т'// это...под око́шко-то подо́йд'о́ш ы слуша́йеш/ ч'о она́ д'эла́ет// йа́/ гор'ít/ подошла́ к око́шку-то// ма́ма это раска́зывала/ йа́ бойез'л'и́ва была́/ йа́ н'икуда́ н'е код'ила́ д'е фкой-та да́к/ н'е гада́ла// ну́ и это запла́кала/ гор'ít/ она́ пла́чет ч'о-то коз'а́йка-то/ жен'ш'ш'ина-то// йа́/ гор'ít/ пошла́ бо́льше домо́й/ пр'ишла́/ ма́м'е сказа́ла// (Гайнский р-н).*

Как видим, говорящий, пытаясь дословно пересказать сюжет, применяет прямую речь: *это/ с сос'ёткой/ говор'ít/ пошла́ йа́/ ну́/ слуша́т' у́тром/ ч'еса́ ч'е́тыр'е-н'а́т'*. Однако, чувствуя, что собеседник-диалектолог (или студент-практикант) не совсем понимает суть происходящего когда-то с мамой, информант включает свой комментарий: *это...под око́шко-то подо́йд'о́ш ы слуша́йеш/ ч'о она́ д'эла́ет*. Далее опять прямая речь: *йа́/ гор'ít/ подошла́ к око́шку-то*.

Такое пересказывание с одного средства передачи чужой речи на другое, внесение собственных комментариев, несомненно, запутывает нить повествования, усложняет понимание сказанного и в целом создает впечатление о речи, сказанной «как попало».

Как ни странно, прямую речь, своеобразно оформленную, информанты используют гораздо чаще, чем косвенную. В качестве слов автора при прямой речи в большинстве примеров используется глагол **говорить**:

1) *потом́ йа́ говор'у́ Ва́л'а зна́йеш ч'о/ у м'ен'а́ н'е́рвы/ вот ч'у́ха затр'асла́с'а/ говор'у́/ вот та́к// дава́й/ говор'ítм/ уко́лы поста́вим// ой/ говор'у́/ йа́ бойу́с'а уко́лоф// э́т'их уко́лоф йа́ напр'ин'има́лас'а дак н'е да́й бо́х// ну и/ дак покáйешша в'ет'// дак кáйус' и ес' надо́ было уко́лы-т'е пр'ин'а́т'// (Юсьвинский р-н);*

2) *и тако́йе/ гор'ítм/ вы́сока́яа жéн'ш'ш'ина и обл'ич'йо-то/ гор'ítм/ на мойу́ ма́му/ гор'ítм// ты́ мн'е́/ го́йтм/ з'а́т' йа́ т'еб'е́ т'о́ишиа// во́т та́к/ гор'ítм/ и сказа́ла// ид'о́м/ гор'ítм/ со мно́й// н'е́тм/ пойд'у́/ гор'ítм/ зайду́ до́ч'ер'е-то скажу́с' то́жно// а йа́ са́м н'е пойд'у́// за заборн'у-ту/ гор'ítм/ скват'илса и н'е ид'у́// (Гайнский р-н);*

3) *он сра́зу йейо́ познако́м'ил с оцо́м/ с ма́ т'ер'у́/ пр'ин'ел'и́ их/ за сто́л поса́д'ил'и// йа́/ гы́тм/ кон'е́шно/ ру́ку побойа́лас' да́же шев'ел'н'ут' нав'е́рно/ н'е то́ што́ та́м йеи'ш'о́ вз'а́т' ло́шку да што́-то похл'еба́т'// (Гайнский р-н).*

Прямая речь в монологах диалектоносителей может быть построена по разным моделям: слова автора могут стоять впереди или разрывать прямую речь.

1) Слова автора впереди прямой речи: *то́л'ко сказа́ла/ йа́ бо́льше т'еб'е́ н'а́н'ч'ит' н'е бу́ду/ дава́й н'а́н'ку дру́гуйу́ иши́ш'и/ ты́ в т'а́гос'т'и ко́ д'иш'и// ф поло́жен'и́и зна́ч'ит; и она́ поло́жыла взголо́в'яа и говор'ítм// пуска́й мн'е́ во сн'е́ пр'ив'и́ д'и́цца жен'и́к-то// ну́-ка/ како́й о́н у мн'а́ бу́ д'етм// (Гайнский р-н).*

2) Слова автора разрывают прямую речь: *ну́ а пото́м пр'ивы́кла пот'ихо́н'ку/ куда́ д'ева́тца// бр'у́к'и/ гр'ítм/ холи'ш'о́вые ст'ира́д' заста́ в'ил'и// фс'е́ са́мотка́нныйе/ у д'еду́шк'и во бр'у́ к'и-то/ вь́ше ма́мы; у на́с одна́ с'естра́ вопи́э пот су́слоном род'ила́с'// йа́ вот в и́йу́н'е дак мн'а́ то́жо/ говор'ítм/ фс'о́ вр'е́м'а нос'ил'и́ пот су́сло́н-от/ пото́м жат' ста́л'и// вот ун'есу́т/ два м'ес'а́ца р'еб'о́нку/ пот су́сло́н поло́жат и фс'о́ и она́ раба́таетм// (Гайнский р-н).*

Примеров, где прямая речь предваряет слова автора, мы в текстах не обнаружили, но полагаем, что теоретически это возможно.

Носители говоров при передаче чужой речи используют и косвенную речь, которая оформляется с помощью лексических средств: глаголов с семантикой говорения, восприятия (**слыхать**, **сказать**, **говорить**) и союза **что** в придаточной части с изъяснительной семантикой:

1) *то́л'ко до Га́йен ушла́ и до́рогой-то// с'о́ ровно́// го́йтм/ м'ен'а́ л'е́шый-то вод'и́л да́к/ фс'о́ ровно́ в э́тот го́т умру́// мн'е́/ го́йтм/ о́н сказа́л/ што́ умр'о́ш// (Гайнский р-н);*

2) *м'ина́ ф со́рок д'е́в'а́том году́ д'эла́л'и оп'е́рацы́йу/ то́ ф п'ис'а́т д'е́в'а́том году́/ зоп удал'а́л'и// и вот сказа́л'и/ што́ он оп'а́т' раст'о́т// ну́ вот у м'ина́ сьну́ п'е́рвому́ бы́ло фс'е́во́ д'е́в'а́т' м'ес'а́цов/ йа́ у́йежа́ла вот на оп'е́рацы́йу/ ну́ вот п'ила́ йево́ по д'ес'е́ртной ло́жеч'к'е на голо́днойе/ помога́ло// (Юсьвинский р-н).*

Анализ монологов показал, что диалектоносители не стараются сделать рассказ понятным для слушателей, поэтому с точки зрения информативности, сохранения сюжета эти монологи вряд ли можно назвать находкой для исследователя. Однако есть случаи успешного использования средств передачи чужой речи. Так, в истории о том, как украли маму, молоденькую, маленькую девчужку, в семью рослых, крупных людей, рассказчица сумела сохранить сюжет: *пр'ив'езл'и́ / она́ зашла́/ бойца́ йеи'ш'о́ захо́д'ит'// во́т как зайд'и́// ч'ужо́й до́м софс'е́м// захо́д'им/ говор'и́тм/ мы́/ два бра́та и йа́/ за сто́лом с'ид'и́т гро́ма́ дный мужь́йк/ бо́льше дво́х метро́ф ро́ста бы́л д'е́ душко́ на́с/ бы́л тако́й о́гро́мный// ту́т йеи'ш'о́ сы́н с'ид'и́тм/ та́м с'о́стры/ фс'е́ так'и́йе кру́пныйе// она́ оп'е́шыла/ н'е зна́етм// и н'е уб'ежы́и/ куда́ т'еп'е́р' уб'ежы́ш п'е́шкóм/ моро́з на́ у́*

л'цы/ н'оч'// а как ты дом'ой пой'ав'иши'а/ ск'а жыши/ гд'е ты был'а// да и от'е'ц разв'е ну' с'т'ит'// (Гайнский р-н). Как видим, комментарий рассказчицы умело включен в повествование.

Небезынтересно было проанализировать и то, на кого ссылаются в своих речах диалектоносители, т.е. как обозначены «чужие смысловые позиции» [Дускаева 2006б: 131]. Известно, что в научной и публицистической литературе пишущие ссылаются на авторитетные источники (цитируют ученых, известных политиков и проч.). В диалектной речи, как показал материал, есть свои «авторитеты»:

1) и вот ты н'оч'у ст'ал то'ко гр'ем'ет'// говор'ид' дв'ер'у-то// она п'ер'епуг'алас' да на п'е ч'ку г ба'бушк'е// ма'ма-то раск'азывала/ та'к' и остав'ила/ дро'ж'у/ говор'ит'// то'лк'о ка'кой т'а т'ка-то был' та'кой обл'и'ч'ийом/ и пр'иш'ол и пр'о с'ит под'арок-то/ пр'ос'ит... // вот та'к пр'им'еч'ал'и/и это збыв'алос'// и йес'ли ко'л' н'е пры'гн'еш' говор'ит'// да'к та'к зад'ушат йеш'о'// эт'и н'е л'уд'и/а эт'и... св'олоч'и как'ийе-то ко д'ат'// (Гайнский р-н);

2) ф Крохал'ове жыла там з д'едушкой/ а он м'ен'а н'е броса'ет/ он фс'егда говор'ит'// иа т'еб'а н'икогда н'е бро'шу// (Юсьвинский р-н);

3) **Воло'т'ка** [сын] пр'иш'ол и говор'ит'// ма'ма/ ты/ говор'ит'// т'ел'онок ма'л'ен'кой// да ка'кой та'кой/ говор'и'// бол'шой л'и ч'о эт'о// он у м'ен'а тр'и дн'а н'е п'ил' йетот т'ел'онок/ он йево зглаз'ил'// (Юсьвинский р-н);

4) а это то'же у стар'ых жо слы'хала/ на'до/ говор'ит' йево взб'р'внут' с в'етру-ту/ пр'ид'ош'и да с в'етру брыз'н'и/ в рот воды наб'ер'и и брыз'н'и// то йето/ как говор'итс'а в'ет'// сло'во/ ис п'ес'н'и сло'во н'е вы'к'ин'ош'// та'к же и эт'о// ч'ор'ному-ч'ер'ом'ному сол' ф шар'и/ йето на'до сказа'т'// са'ма-то со'бой ду'май то'ко// (Юсьвинский р-н);

5) как стар'ушк'и мн'е сказа'л'и/ вы'мой тр'и ло'шк'и/ вы'мой их/ нат ско'пкой над дв'ер'ам'и// иа говор'и'// ско'пка гр'азна'я/ фс'е има'йу'ца// нич'аво н'е буд'ет/ умо'й/ фс'о// (Юсьвинский р-н);

6) с'о быв'ало/ он [ревновал] м'ен'а у/ иа йево и/ по д'елу/ пл'ес'ат' л'ибо ч'о пойду' да'к// ох то'ко дра'лса// да'к р'евноство/ подру'г'и-т'е на-ска'жут ч'о н'е на'до/ вот он и д'ер'отса// (Кочевский р-н);

7) л'есу то'же говор'ит' ит'т'и'// т'ер'айу'ца/ пр'ата'ют доро'гу// да'к/ тут одна же'нщина говор'ила// нао л'ес зако'д'ит'// за ма'л'иной ид'ом// на'до говор'ит' ц'о-то сло'ма'т'// в'етку// то'бы о'братно-то вы'т'т'и' (Кудымкарский р-н);

8) **Фед'ос'и'а да ч'о да** был'и/ говор'ит'// мы в'ет' в Моск'ву вы'шл'и/ по ко'м'и говор'ит' он'и'//

ф как'и'у Моск'ву/ тата'рск'ий мо'г'ил'н'ик (Юсьвинский р-н).

Анализ приведенных примеров показывает, что диалектоносители ссылаются на воспоминаемые пожилых (старых) людей, родителей, детей, соседей. В этом проявляется специфика диалектной речи: тематика бесед в основном носит бытовой характер; сфера общения ограничена близкими родственниками, соседями; жизнь вращается по одному кругу.

Иногда диалектоносители не указывают на конкретное лицо, от которого получена информация. В этом случае говорящие используют неопределенно-личные предложения, для которых характерна семантика неопределенного лица (кто-то, некто):

1) йес' и б'ел'ый/ йес' и кра'сный// му'хом'оры с'ак'ийе ростут'// а с'о'годы говор'ит' н'ич'о н'ету'// (Косинский р-н);

2) у скот'а-то был'и эт'и/ к'ишк'и-то// к'ишк'и-то это воз'м'ож да вы'ч'ист'иши и эт'о/ поло'жыши та'с// ф п'е'ч'ку поло'жыши/ та'м он'и сл'и'ск'ийе буд'ут/ пот'ом эт'им и с'т'ир'ал'и// мы'ла-то н'е быв'ало да'к/ а порош'ок н'е был'// а эт'о сказа'л'и/ вот эт'о ши'олок/ ши'олоком д'е лал'и// а ши'олок/ эт'о з'олу-ту ло'жыл'и с п'е ч'к'и-то// вот эт'им ши'олоком/ м'акка'иа вода-то/ ка'к эт'о сл'и'ска'йа// (Гайнский р-н);

3) стар'ые вы'брос'ит' мо'жно/ иа и н'е броса'йу/ йес'ли град буд'ет л'етом/ да'к то'гда броса'йут на ул'ицу/ грат ко'гда ид'от'// вы'брасывал'и тут на ул'ицу их/ толды град-от пр'екраши'атса д'е/ та'к эт' говор'ивал'и ран'ше// (Кочевский р-н);

4) вот эт'от л'он соб'ер'ом да што-н'и'бут' зд'елайем// н'е'кот'орыйе говор'ит' тка'н' доро'го-доро'го/ пу'ска'й доро'го// сара'фан' покуп'ала/ т'омно-с'ин'ий/ вот// сара'фаном нос'ила/ нос'ила/ пот'ом йу'пку зд'елала// (Юсьвинский р-н);

5) на ног'и ла'пт'и// на ла'пт'и пойаск'и кра'сныйе/ порт'анк'и б'ел'ыйе/ вот// эт'о обу'йу'ца и вот та'к крас'иво д'е// кра'сныйе пойаск'и/ пойаско'м на'зывал'и// (Косинский р-н).

Может быть использована и другая форма: **и'а слы'кала то'же/ што коч'ерга' говор'ит' у йо' у р'еб'онка йес'// р'ев'от ты р'ев'от** (Гайнский р-н).

Средства выражения диалогичности в диалектной речи жителей Коми-Пермяцкого округа представляют собой интересный материал. В нем, несомненно, отражены общие для всего русского языка механизмы: используются ссылки; применяется прямая и косвенная речь. Обратим внимание и на то, что одни и те же средства используются и в исконно русской речи, и в русской речи коми-пермяков (преобладание приме-

ров из речи жителей Гайнского и Юсьвинского районов объясняется большим объемом расшифрованных текстов). Однако общерусские механизмы живой, неподготовленной, не мотивированной на владение литературной нормой речи наполнены совсем иным, нежели в книжной речи, содержанием. Во-первых, при передаче чужой речи отсутствует книжная лексика типа *сообщили, проинформировали*. Во-вторых, отмечается лексическое и синтаксическое однообразие средств передачи чужой речи (нет мотивации избежать лексических повторов; разнообразить синтаксические конструкции). В-третьих, диалектоносители в своих речах ссылаются на опыт людей из их ближайшего окружения, что говорит о замкнутости их жизни, о материальных и духовных ценностях: срабатывает принцип «если я об этом говорю (или помню), значит, это важно для меня». Изучение средств диалогичности в диалектной речи в данной работе, естественно, представлено не полностью. Работа в этом направлении нам видится весьма перспективной: она важна не только с научных позиций, но и в методическом плане, так как ежегодно диалектологи выезжают в экспедиции для сбора материала. Наблюдения за уже имеющимися записями покажут, как наиболее успешно вести диалог с информантами.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ13-14-59008 Русские говоры Коми-Пермяцкого округа: особенности функционирования и развития.

² См. подробнее о промежуточных формах речи: [Якубинский 1986: 26].

³ Здесь и далее приводятся примеры в транскрипции, без знаков препинания, что, на наш взгляд, обеспечивает лингвистическую точность в передаче диалектной речи.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970, №3. С. 44–58.

Балаян А. Р. Еще один монолог о диалоге (и полилоге) // Русский язык за рубежом. 1981. №4. С. 62–66.

Данилевская Н. В. Ослабление диалогичности как проявление кризиса массовой коммуникации // Электр. журн. факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова «Медиаскоп». 2012. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1239> (дата обращения: 30.07.13).

Дускаева Л. Р. Диалогичность речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2006а. С. 45–53.

Дускаева Л. Р. Категория диалогичности (функциональная семантико-стилистическая) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука, 2006б. С. 130–139.

Кожина М. Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка // Методика и лингвистика. М., 1981. С. 187–214.

Соловьева А. К. О некоторых общих вопросах диалога // Вопросы языкознания. 1965. №6. С. 103–110.

Якубинский Л. П. О диалогичности речи // Л. П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

MEANS OF DIALOGUENES EXPRESSION IN THE SPEECH OF NATIVE SPEAKERS OF THE DIALECT (on the basis of Komi-Permyak District residents' Russian speech)

Irina I. Baklanova

Head of Russian Language Department

Perm State Humanitarian Pedagogical University

Means of dialoguiness expression in Komi-Permyak District residents' speech which is examined in different aspects are analyzed. Features of the analyzed form of speech are revealed, the intermediate position of utterances in monologue and dialogue speech is determined; the history of the dialoguiness category is presented. Dialoguiness markers are identifies among which there are common for the Russian language and specific, dialect means. It is shown that the features of dialoguiness manifestation are determined by everyday themes, communication spontaneity when there is no time for interpretation of what was said.

Key words: Komi-Permyak District; Russian speech; dialect speech; dialogue; monologue; dialoguiness; means of dialoguiness expression.